

О Т З Ы В
официального оппонента на диссертацию
Набокова Артура Игоревича на тему
«РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕКРОПОЛИ МАНГУПСКОГО
ГОРОДИЩА (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 — археология
(исторические науки)

В археологии Восточной Европы и западной части Евразии в эпоху Великого переселения народов и раннего средневековья Крыму принадлежит особое место. Когда степная зона в V-VII вв. опустела, то именно Крым с его памятниками дает нам понимание происходящим процессам, важнейшие хронологические и культурные реперы. Здесь нет тех разрывов, что известны в других регионах — в степной полосе, на Северном Кавказе. При этом события, происходящие в Восточной Европе — миграции, появление новых народов и политий — отражаются в памятниках Крыма. Поэтому работы крымских коллег закономерно привлекают внимание исследователей из разных стран и регионов и очень важны для понимания археологии и истории всей Евразии.

Актуальность изучения группы некрополей около Мангупа эпохи раннего средневековья и эпохи Великого переселения народов не вызывает сомнения. В центре внимания А.И. Набокова — четыре некрополя, которые функционировали в раннесредневековый период истории Мангупа — Каралезский, Алмалыкский (Алмалык-дере), Адым-Чокракский (Адым-Чокрак) и Южно-Мангупский.

Целью диссертационной работы является всестороннее изучение раннесредневековых могильников Мангупского городища и его округи. Для достижения цели автор последовательно решает следующие задачи:

историографический и источниковедческий анализ имеющихся материалов раскопок некрополей;

изучение полученных данных о погребальном обряде; установление хронологии могильников, разработка «фазовой» схемы их периодизации;

разработка типологии погребальных сооружений;

корреляция категорий погребального инвентаря и типов погребальных сооружений;

детальное топографическое изучение памятников, картографирование

находок и различных видов погребальных сооружений;

этнокультурная и социальная атрибуция населения, оставившего некрополи.

Структура диссертации А.И. Набокова логична, она состоит из введения, четырех глав и заключения. Работа содержит отдельным томом Приложение - альбом из 203 иллюстраций. Источников база исследования — 537 погребальных комплексов, из них 167 исследовано археологически.

Безусловным достоинством диссертации является то, что все проводившие с 2018-2019 гг. отдельным отрядом Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского исследования раннесредневековых некрополей Мангупского городища выполнялись под непосредственным руководством А.И. Набокова, автора работы, и он хорошо знает и памятник, и материал.

Работа прекрасно иллюстрирована, карты, планы, схемы, рисунки и фотографии дают возможность ознакомиться с материалом диссертации. На меня особое впечатление произвели рис. 52 и особенно рис. 23, которые дают возможность увидеть чудовищные последствия ограблений некрополей для культурного наследия Крыма.

В Главе 1 «История изучения и топография раннесредневековых некрополей Мангупского городища» автор анализирует историю изучения некрополей, анализирует состояние источниковой базы и особенности топографии памятников. Следует отметить, что автором проработана вся литература, касающаяся археологического исследования региона в период раннего средневековья. Наличие монографического исследования одного могильника — Алмалык-депе (Maćzyńska 2016) ни в коем случае не закрывает вопрос. Материал этих некрополей настолько богат и интересен, что его детальное изучение будет продолжаться, особенно стимулированное этим диссертационным исследованием.

Глава 2. «Погребальные сооружения раннесредневековых некрополей Мангупского городища» посвящена склепам, подбоям и другим типам погребений. Автором представлена типология грунтовых склепов, основанная на анализе общей и внутренней архитектуры погребальных сооружений и их картографировании, сформированы типологические группы А, В, С, D, Е.

Нельзя не согласиться с А.И. Набоковым в том, что вследствие ограбленности «едва ли не первостепенное значение приобретает разработка типологии и изучение конструкции склепов» (с. 54). Автор показывает функциональность такой типологии и ее датирующие возможности. В качестве

примера такого исследования можно привести работу В.Ю. Малашева, вышедшую осенью этого года, где он обращает внимание на эволюцию погребальных сооружений памятников аланской культуры раннего этапа (Малашев В.Ю. Анализ и эволюция конструкции катакомб аланской культуры на Среднем Тереке III – первой половины/середины V вв. н.э. // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 3. С. 634-650).

Автору бы не помешало привлечь современные исследования по анализу ограбленных могил – проблеме ограблений и разрушений древних могильников в последнее время уделяется значительное внимание (Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Вып. 46. Санкт-Петербург, 2016; Klevnäs A. Give and take: grave goods and grave robbery in the early middle ages // Owned and be owned. Archaeological approaches to the concept of possession. Stockholm, 2015. P. 157-188). Но это замечание касается скорее дальнейших перспектив исследования памятников Крыма.

Интересно наблюдение о времени древних ограблений могильников Мангупа – IX–X вв. Такая датировка может быть связана с находкой в одном из ограбленных склепов Алмалык-дере фрагмента стенки «причерноморской» амфоры с закопченной внутренней поверхностью (с. 39).

В настоящее время очень популярна идея о связи и чуть ли не кавказском происхождении традиции склепов в Крыму III в. Против этой идеи, как указал А.И. Набоков (с. 52), выступили ряд исследователей (Мошкова, Малашев, 1999; Казарницкий, Строков, 2022; Семенов, 2017). С идеей кавказского происхождения крымских склепов я также не могу согласиться. Здесь я вынужден коснуться очень важного вопроса — сопоставления крымских склепов и кавказских катакомб (различия которых в названии – дань традиции). Хочу обратить внимание коллег на важное конструктивное различие между крымскими склепами и кавказскими катакомбами раннего этапа аланской культуры. Если в крымских склепах ось входной ямы находится на одной оси камеры, на что указывает ее длина и направление свода, то в кавказских катакомбах ось камеры перпендикулярна входной яме, и направление свода соответственно тоже. Также в крымских склепах умершие размещены по оси входной ямы, а на Кавказе – перпендикулярно. Таким образом, мы видим два вида T-образных катакомб с важным конструктивным отличием – направлением свода камеры. Различаются входные ямы и характер ступенек. Также крымские склепы — это групповые погребения, в отличие от синхронных кавказских памятников, где преобладают одиночные захоронения.

А.И. Набоков связывает традицию появления лежанок в склепе с христианами. Немного неясно, на что опирается автор, утверждая, что в Риме с начала IV в. в склепах с лежанками хоронили христиан (с. 74) – ссылка в этом месте дает только литературу по Херсонесу и другим памятникам Крыма.

В Главе 3 «Хронология и особенности развития могильников округа Мангупа» А.И. Набоков выделяет пять хронологических фаз функционирования некрополей, дает их развернутую характеристику.

Хотелось бы отдельно остановиться на трех комплексах 1 хронологической фазы – ключевых с точки зрения контактов населения Мангупа со степью в ранний этап функционирования некрополей — курганы №№ 2, 3, 5. Автор связывает с ними нижнюю границу Алмалык-Депе (с. 102-103).

Курганы с ровиками и подбоями (к. № 2, к. № 3) — это пришлая традиция. Круглые ровики известны в Северо-Западном Причерноморье, Подонье, среди аланских памятников Северного Кавказа.

Т-образный склеп (катакомба) кургана № 5 — это единственное сооружение, которое по своей архитектуре близко кавказским памятникам — как по своим очертаниям, так и характеру ступенек во входной яме. И это единственное сооружение на этих некрополях, свод которого перпендикулярен оси входной ямы.

Можно вполне согласиться с датировкой трех памятников концом IV в. - как по амфоре F по Д,Б, Шелову, так и по пряжкам, стеклянным сосудам и другим деталям. Лепной сосуд с лощением и ручкой на штифте (рис. 132, 5) из кургана № 5 находит аналогии также в позднем Танаисе конца IV – первой половины V в. (например - Беспалый 2024, п. 481, таб. 558, 11), и такая керамика показывает появление на Боспоре (включая Танаис) населения с черняховскими традициями.

Автор утверждает, что курган № 5 и ровики с перемычкой в южном секторе у курганов №№ 2 и 3 с подбойными могилами берут свои истоки в погребальных сооружениях позднесарматских племен Нижнего Дона, которые испытали сильное аланское (северокавказское) влияние. Во-первых, в донском регионе с середины III в. было уже не позднесарматское население, а совсем другое – выходцы с Кавказа – и носители иной культурной традиции, не сарматской (Малашев 2009), поэтому это не позднесарматские традиции. Во-вторых, вряд ли можно уверенно утверждать, что курганы №№ 2 и 3 связаны с выходцами с Дона, а не других регионов с традицией подкурганых ровиков.

В целом при работе над этой главой автором проделан большой труд,

положения и наблюдения авторы опираются на прекрасное знание материала и хорошо обоснованы.

В конце главы А.И. Набоков соотносит выделенные им фазы с хронологией синхронных некрополей Крыма и других регионов и историческими событиями (с. 169-172). Завершение функционирования могильников автор видит в христианизации населения Мангупа и соответствующей смене погребального обряда.

В главе 4 «Погребальный обряд и социокультурная характеристика населения» автор обобщает данные по погребальному обряду. В целом наблюдения автора интересны и обоснованы. К тезису о том, что захоронения лошадей характерны для кочевников гуннского и постгуннского времени (с. 178) хочется добавить, что традиция захоронения лошадей известна и на территории Крыма римского времени.

Нельзя не согласиться с тезисом А.И. Набокова, проговоренным ранее, о важности антропологического исследования костных материалов с некрополей: «Пожалуй, главной проблемой изучения антропологических материалов раннесредневековых некрополей Мангупа является их обособленность относительно информации о топографии памятников и структуре вещевого комплекса находок» (с. 39) и обратить внимание на то, что привлечение антрополога к материалам некрополя очень важно для дальнейшей работы.

В параграфе 4.2 «Социальная стратификация» анализируется население округа Мангупа по погребальному обряду. Автор акцентирует внимание на особенностях элитарных погребений (характер сооружений, золотые и серебряные вещи). По поводу золотых и серебряных изделий в погребениях (с. 180-181) – желательно было бы провести анализ состава этих изделий. Так, при анализе погребения с поясным набором в геральдическом стиле (Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, п. 5В, 2022 г.) методом RFA нами с коллегами было выявлено, что металл серого цвета – это свинец.

Отдельно следует указать на то, что на археологическом материале непросто постулировать принадлежность погребенного к воинскому сословию (с. 183) только на основании находки у него оружия. Сословие – это группа людей с особым правовым статусом, ни письменные, ни археологические источники этого времени (I хронологическая фаза) не позволяют давать такую узкую интерпретацию для погребений с оружием и поясными наборами. Лучше говорить о погребениях воинов (без детализации) и об их военной специализации. Совсем другое дело – когда речь идет об изменениях с середины VI в., связанных с приходом Византии в регион, что отмечено

автором: «Примечательно изменение характера воинских находок, начиная со второй половины VI в., которое заключалось в смене погребений «племенных» воинов Первой–Второй фаз на погребения с выраженной общемилитаристской модой, характерной для армейских подразделений Византии и варваров–федератов» (с. 189).

Третий параграф 4.3. «Этнокультурная характеристика» — самый спорный во всей работе. Цель работы автора — археологическая характеристика некрополей, и определение этнической принадлежности — не задача такого исследования. Для решения этой задачи нужно использовать археологический массив данных всего Юго-Западного Крыма, а также письменную традицию, эпиграфику и физическую антропологию.

А.И. Набоков следует определенной историографической тенденции, но данных этих могильников недостаточно для постулирования этнической принадлежности населения как гото-аланов. На него влияют, конечно, данные письменной традиции о населении Мангупа.

Можно согласиться с автором об этнокультурной близости населения, хоронивших на некрополях Мангупа и Дружное, Нейзац и других (с. 195). Очень интересен вывод о том, что судя по распространению склепов, накануне вторжения гуннов часть населения Боспора переселилась в Юго-Западный Крым (с. 196).

Автор перечисляет германские элементы в некрополях. В основном к числу находок, которые связывают с германцами, относят некоторые фибулы, биконические лепные кувшины, ряд других находок (с. 190), может быть, единственная кремация на некрополях. Но делать вывод именно о готах — на основании только археологического материала — нельзя. Автор не оперирует данными письменных источников, но только археологией. Поэтому я бы рекомендовал быть осторожнее и говорить о влиянии черняховской традиции. Все же черняховская культура — полиэтничный и сложный феномен. Не надо упрощать ситуацию в археологии, ориентируясь на письменную традицию о существовании готов в Крыму. Это тот самый пример смешанной аргументации с использованием данных из разных источников, о которой говорил Л.С. Клейн в своей работе «Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу» (Клейн 1988).

Со степными древностями так или иначе связано 3 памятника из 537 комплексов в целом, из них 167 исследованных (такие Т-образные катакомбы происходят из оседлого мира кавказских алан, а подкуранные ровики известны не только у номадов, но и у тех же кавказских аланов). Я бы воздержался от их

этнической атрибуции, но даже если это (условно) аланы, то нет оснований по ним называть весь массив населения гото-аланами.

К кочевническим маркерам А.И. Набоков относит погребения лошадей, а также связываемые им с распространением у аланов мечи/кинжалы с вырезами у пяты клинка. Хотя один из самых ранних комплексов с такими мечами — это Кишпек, тем не менее комплекс из Кишпека не относится к аланской культурной традиции. Происхождение мечей с вырезами — проблема, еще не решенная в современной науке, и они не дают этнокультурной привязки.

Деформация черепа, которая в эпоху Великого переселения народов получает широкое распространение в варварском мире, практиковалась населением Мангупа – всего 75 черепов, но только 12 комплексов исследовано археологически. Трудно определить с ее этнокультурной характеристикой в могильниках Мангупа, тем более, что, как сам автор говорит, эта традиция связана скорее с социальной характеристикой погребенных, поскольку продолжительность жизни и сам уровень жизни у погребенных с деформацией черепа выше.

Вообще, называть аланами предшествующее население Крыма очень мало оснований. В письменной традиции есть только два упоминания аланов в Крыму римского времени. На плите из Кыз-Аула была найдена надпись 204 г. н.э., сохранившийся текст которой позволяет достаточно надежно восстановить имя и титул Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов (Павличенко 2020), но его деятельность связана скорее с азиатским Боспором.

В пантикапейском энкомии боспорского государственного и военного деятеля времени Савромата I (по мнению С.Ю. Сапрыкина) упоминаются несколько царей у аланов: «и царям аланов за (вину их?) счел нужным определить (справедливое наказание?)» (Сапрыкин, Парфенов 2012: 169), но здесь, по всему контексту, они пришли в Крым из других мест.

У нас есть еще Сугдабон Равеннского анонима (VIII, 5) в VI-VII вв. и Ардабда (вместо Феодосии) — в VI в. (Анонимный перипл). Эти иранские названия можно связать с этнокультурными изменениями в Крыму этого времени, т. е. VI-VII вв., и, возможно, появлением аланов.

Аланы впервые известны на Нижнем Дунае в 60-е гг. н.э., позднее на Нижнем Дону – видимо, до середины II в. н.э. Часть аланов мигрирует на Кавказ, где во II-III вв. формируется Кавказская Алания (известная впервые по данным Певтингеровой карты). В середине III в. аланы с Кавказа приходят на Дон, где их как аланов-танаитов знает Аммиан Марцеллин. После гуннского вторжения аланы распространяются широко по Европе. Места обитания аланов

в I-IV вв., таким образом, хорошо известны, но проживание их в Крыму до конца IV в. письменная традиция не фиксирует.

Экскурс в проблемы этногенеза варварского населения римского времени в данном в отзыве не направлен против автора диссертации, а подчеркивает дискуссионность и сложность этнической истории, и иллюстрирует нерешенность в науке целого комплекса проблем. Автору, на мой взгляд, следовало ограничиться более скромными, но надежными выводами, которые он может сделать, опираясь на этот археологический материал — об этнокультурных тенденциях при характеристике могильников. Но ведь его задачей и является этнокультурная, а не этническая атрибуция населения, оставившего некрополи.

В заключении подводятся итог работы и еще раз приводятся все основные выводы. Оценивая диссертационную работу исключительно положительно, хотелось бы высказать несколько небольших замечаний редакционного характера:

1. название нейзацкой археологической культуры написано с прописной буквы — с. 29, 106, 197.
2. В списке литературы есть неточности. Так, в написании статьи «Малашев В.Ю. Могильник «Экажевские 1-е курганы» – некрополь воинской элиты городища «Ачим-Боарз» / В.Ю. Малашев. – М.: Южный Издательский Дом, 2021. – С. 34–38» не упомянуто название сборника – «Магас: древний и современный: Материалы международной научно-практической конференции. Сборник статей, Магас, 12 апреля 2021 года», С. 228.

Впрочем, все эти недочеты легко устранимы и не влияют на качество диссертации. Замечания, высказанные ранее носят рекомендательный и местами дискуссионный характер и также не влияют на научную ценность исследования. Диссертационная работа А.И. Набокова является законченной самостоятельной и оригинальной научной работой. Она содержит новое решение актуальной научной задачи – введение в научный оборот нового материала и систематизация уже известного, изучение серии некрополей конкретного региона.

Результаты исследования апробированы в виде докладов на 12 международных, всероссийских и региональных научных конференциях. Список работ по теме диссертации включает 15 научных статей, 4 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации, для публикации основных научных результатов диссертаций на

соискание ученой степени кандидата наук. Автореферат диссертации соответствует структуре и основному содержанию работы.

Таким образом, диссертация А.И. Набокова является завершенной научно-квалификационной работой, выполненной на высоком профессиональном уровне, соответствующим пп. 9-11, 13-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (с дополнениями от 2016 г. и 2020 г.). Автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 — археология.

Официальный оппонент

доктор исторических наук, доцент
заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира
Института истории и международных отношений
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

19 ноября 2024 г.

Вдовченков Евгений Викторович

Контактная информация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»;
344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42.
Тел. +7 (863) 263-31-58

